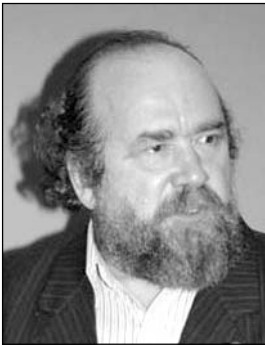

Виктор Петров

РУССКАЯ СЕМЬЯ В ВЕКАХ И ПРОСТРАНСТВЕ

СЕМЬЯ НА ФОНЕ ИСТОРИИ

Виктор Михайлович Петров родился в 1949 году в Томске. Окончил Томский государственный университет. Служил в армии. Участвовал в археологических раскопках и исследованиях в Сибири. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Сибирские огни», «Радуница», «Очаг», «Сельская новь», в антологиях и периодике. Автор ряда научно-популярных книг, стихотворных сборников «Колчан сибирских стрел», «Заян», «За пределами суток», «Параллельные миры» и др. Член Союза писателей России. Живет в городе Лобня Московской области.

Предыстория русской семьи схожа с древними этапами развития семейных союзов человечества. Возможно, русская семья выделяется из общего потока большей стойкостью, меньшей чувствительностью к искажениям, социальным деформациям, вызванным неравномерным движением истории, ее взлетами, падениями, а также неизбежными тупиками. И еще одна особенность русской семьи — это невероятная способность восстанавливаться в своей первозданной чистоте даже после крутых, казалось бы, роковых для нее поворотов истории. Но не выдаю ли я желаемое за действительность?

Семья — самая естественная, дарованная живой природой и ее общими законами, первоначальная организация человеческой жизни. Она не может бытовать вне общества, но и обществу невозможно функционировать без нее. Это самый малый круг общения, имеющий свое ядро — пару, устойчиво ощущающую взаимную тягу друг к другу мужчины и женщины, вступающих в будущее своими детьми, внуками. Без этого ядра вся ткань социума распадается. Не случайно в Ветхом Завете мы имеем единый образ Адама и Евы, а не некоего индивидуума, одинокого родоначальника человечества.

В первобытном обществе был открыт и неукоснительно соблюдался закон крови. Он требовал, чтобы юноша или девушка искали свою пару вне рода, что исключало грех кровосмешательства, инцест. Этот закон далекие наши предки открыли, наблюдая на практике вредоносность для семьи, для ее потомства близкородственных и беспутных половых связей. Уже на ранних этапах истории человечества люди брали себе жену (мужа) не из «своих». Русская волшебная сказка имеет своим основным сюжетом добывание молодцем невесты. Обычно осуществлялось это через преодоление физических, интеллектуальных и моральных трудностей, в которых специалисты видят отражение обряда инициаций. Обоюдная, сильная тяга друг к другу, традиционно воспитанная в родовой организации, являлась тем маркером, который позволял не ошибиться в избраннике. Так постепенно семья становилась колыбелью не только здоровых детей, но и ремесел и художественной речи.

Шло время, социальная жизнь век от века, тысячелетие за тысячелетием усложнялась и усложнялась, складывались племена, завоевывалось земное пространство. Эпоха неолита буквально взорвалась резким взлетом народонаселения. Это было связано с переходом от присваивающего охотничьего к производящему хозяйству земледельцев и скотоводов. И когда племенные союзы стали вступать в распри и враждовать друг с другом, семейные узы подверглись испытанию на прочность. Конечно, с увеличением населения стало проще находить жену, но возникли другие сложности, отрицательно влияющие на крепость семьи. Страдало само ядро ее, право «сильного» на время возобладало, и оно было на стороне мужчин. Началось патриархальное затемнение истории человечества. Насилие над женщиной, что являлось исключением в родовом обществе, стало в новых социальных условиях правилом. Хотя взаимная любовь никогда не исчезала, но она была столь редкой, что стала отдельным сюжетом в изобразительном искусстве, она стала воспеваться в песнях, легендах и всевозможных сказаниях как явление исключительного порядка.

Мировое искусство знает, что такое любовь, заполняющая всего человека, и семья — благословенный оазис в бурном социуме. Народная мудрость свидетельствует, что нет ничего лучше хорошей жены (мужа), но нет ничего хуже плохой жены (мужа). От первого изображения женщины до мадонны Рафаэля и русской иконы Богородицы чувство любви двигало художником, наполняясь все более и более сложными и глубокими смыслами. Палеолитическая миниатюрная статуэтка с точными и продуманными штрихами проработки камня художником была случайно найдена в местечке Берехат-Рам (Израиль) и датируется в 250-280 тысяч лет. И это лишь то, что нам известно о нижней границе проявления чувства любви в человеческой истории («доистории» просто нет, до человека — мир животных).

Верхний палеолит в первобытном искусстве — гимн женщине, охоте и любви. В это время складывается женский культ, прежде всего, Великой Матери, пластические фигурки которой из кости, бивня мамонта, камня, мергеля археологи находят по всей Евразии, называя их «палеолитическими Венерами». Фаллические статуэтки (фалломорфные фигурки) и настенные изображения (петроглифы) с подчеркнутым напряженным детородным органом у мужчин говорят о том, что, по крайней мере, между Рейном и Доном плотской, зримо телесной любви уделялось повышенное внимание. Обоюдное половое влечение художники умели передавать поистине с первобытной силой, но любовь соединяет не только тела, но и души. Изображение брачной пары, слившейся в любовных объятиях в неотрывное целое, как некоего андрогинного существа — явление не редкое в палеолитическом искусстве. «Эта тема найдет наибольшее

лее широкое распространение в раннеземледельческом искусстве Передней Азии и Балкан. В традиционных культурах подобные мифы, возможно, существуют и в наши дни» (В.А. Семенов. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. — СПб., 2008. — С. 55).

Около 10 тысяч лет назад начался переход к производящему хозяйству, планета Земля стала покрываться лесами, в которых вели оседлую жизнь люди, занятые сельским трудом. Скотоводство, земледелие, а затем гончарство и другие ремесла, включая и художественные, историки называют «неолитической революцией». У ранних земледельцев складывается культ Великой Богини Матери, а также множество первоначальных религиозных представлений, пытающихся объяснить происхождение мира и места в нем человека. И вот что удивительно: в искусстве раннеземледельческой цивилизации (Чатал-Хююк) образы женщины-богини реалистичны, а мужчины изображаются в образе быка или барана с подчеркиванием их плодовитости и сексуальной силы. Выходит, что женщины сами породили своего грядущего работника. Началась эпоха колонизации пригодных к обработке земель, воинских подвигов и неизбежных войн.

3

Возникновение на востоке городской цивилизации (7–5 тысячелетия) и классовых государств (4–3 тысячелетия) рабовладельческого типа нанесли удар по семье. Однако многотысячелетней запас прочности был столь велик, что она хотя и подверглась искажению, но все же устояла и в своем преображении даже оказала серьезное влияние на ход истории, на некоторые социальные учреждения, например, школы, и на моральную составляющую общества. Окончательно складывается новый тип семьи — патриархальный. Постепенно личная власть мужа над женой и детьми становится практически безграничной. Общественные формы бракосочетания и воспитания детей трансформировались. Но вот что интересно: возникшие школы копировали воспитание детей в семье как нечто идеальное и непрерываемое. Так, в древнейшем государстве Ближнего Востока Шумере в 3-м тысячелетии до нашей эры главу дома табличек (эдубба) называли отцом эдуббы, учителей — старшими братьями, их помощников — младшими братьями, а учеников — детьми. Поражает определенное совершенство ее организации, она, как Афина из головы Зевса, вышла в полном вооружении. В древних ремесленных объединениях главу величали «отец-мастер», а в религиозных — «духовный отец». Традиция по типу семьи именовать учителя отцом стала распространяться по всей ойкумене. В «Притчах Соломона» мы слышим голос мудрого учителя: «Послушай, сын мой, наставление отца и не оставляй учения матери своей».

Древний Египет также наследовал семью из первобытного мира, от родовой культуры земледельческого общества. По аналогии с мифическими божественными супругами отношения между мужчиной и женщиной строились на основе любви и равноправия. Как хозяйка дома женщина участвовала во всех домашних делах, включая и воспитание детей. Судя по египетским сказаниям, детей охотно рождали, так как по их верованиям именно дети могут дать родителям новую жизнь, правильно совершив погребальный обряд. Праведная семейная жизнь определяла и счастливую загробную жизнь. Анупис, бог смерти, как это изображалось на стенах погребальных камер пирамид, взвешивал души умерших, а вместо гирек клал «маат»: записанный на папирусе кодекс чести. Бог Тот олицетворял мудрость и справедливость, он фиксировал результаты «взвешивания», и если поведение человека и «маат» уравновешивались, то умерший считался прошедшим испытания и начинал новую, теперь уже загробную жизнь. Это напоминает крайний, уже посмертный обряд инициаций, распространенный в родовом обществе и перенесенный как универсальный инстру-

мент в раннеклассовое общество. В «Поучении гераклиопольского царя» (XXII век до нашей эры) говорится, что «мудрость — это прибежище для вельмож», то есть к этому времени выделяются богатые семьи, монополизирующие народную мудрость, зафиксированную в свитках, ставших недоступными простым людям в силу их безграмотности. Но в изустной передаче она продолжала бытовать и организовывать повседневную жизнь семьи.

В Древнем Китае сложился особый иероглиф «си» — символ супружеского счастья. В Поднебесной до сих пор существует обычай прощать все семейные обиды в ночь Нового года, всех родственников и учителей, также считавшихся родными ученикам. Кун Фу-цзы (учитель Кун, Конфуций) проповедовал «возврат к древности», то есть к подавляющему господству семьи как способу создания идеального человеческого общежития.

В древнеиндийском сказании о Кришне («Бхагавата-пурана») дается подробное описание семьи и воспитания ребенка у индоариев сельской местности. Сказитель подчеркивает особую природу младенца, унаследованную от отца, матери и высшей силы. Растут дети вместе с Кришной в огороженном повозками пространстве, куда помещены также женщины и старики. У них полная свобода перемещений внутри огороженной площадки. Совсем как в русской семье — в полной свободе, по пословице о малых детях: «Одна заря выгонит, другая загонит». Затем родители отдают Кришну, как того требует обычай, к мудрому брахману «на учение», где в уединении изучает он Веды и Веданги, осваивает искусство рассуждения и убедительной речи вместе со своими сверстниками. Это сказание удивительно перекликается с архаичной русской былинной «Волх», что вполне понятно, если учесть историческую связь славян с другими древними индоевропейскими народами, включая и собственно древнеиндийский этнос. В нашей былинке, пожалуй, бросается в глаза большее влияние матери на воспитание ребенка, что может свидетельствовать о следах матриархальных отношений в семье: «А и будет Волх семи годов, / Отдавала его матушка грамоте учиться, / А грамота Волху в наук пошла», или о своеобразном переживании эпохи распада родовых отношений, участвовавших войн между союзами племен, что не могло не сказаться на мужской части населения.

В царскую эпоху Древнего Рима (8–6 века до нашей эры) латиняне также традиционно жили семьями. Покровительницей брака, супружеской любви и плодородия являлась жена верховного бога Юпитера — домовитая Юнона. Двери дома охранял лукавый бог Янус, имеющий два лица: для улицы и для внутренних покоев. Он как бы символизировал обособленность домашней жизни от жизни общественной. Эта двойственность, двуличие, классовое и сословное различие стали основой для всей городской цивилизации Европы и отличали ее от славянского мира. Каков дом (семья-фамилия) — таковы и нравы.

Вернемся к периферии городского мира древних цивилизаций. Она жила своей прежней деревенской действительностью. Индоевропейские народы, вооруженные бронзовыми мечами, а именно к ним принадлежали прапращаляне, на боевых колесницах вторглись в «цивилизацию богини» (М. Гимбутас). С этого времени в народной памяти начинают оседать в языке (словарный состав, архаичные сказания о любви, термины родства и так далее) золотые крупницы фольклора, накапливаясь от поколения к поколению, смешивая разные традиции. Общая тенденция индоевропейской мифологии отчетлива: место женщины-богини занимает мужчина-воин, герой, богатырь. Бог-громовик (Перун) вступил в небесный брак с женским божеством (Мокошь) и теперь зорко следит за ее покорностью ему, преследуя и жестоко наказывая за провинности и неверность. С XVIII по IX века до нашей эры на просторах от Карпат до Алтая по всему широкому евразийскому степному коридору обитают индоевропейские народы, распространяя мужскую идеологию «булавы», символа власти героя-воина, степной знати. Охотники сибирской тайги и кочевники евразийских сте-

пей, два мира, объединенные новой «религией», расселились целыми племенами и смешивались с земледельцами, обитавшими в тех краях ранее. В VIII–VII веках до нашей эры они заселили скифским населением Северное Причерноморье, создав своеобразное «варварское» искусство «звериного стиля». Эти народы оставались бесписьменными, но были уже далеко не первобытными, о чем свидетельствует их чрезвычайно сложная, многоименная (боги и богини) мифология. Наступил железный век, перевернувший представления о семье, родственных отношениях, можно сказать, с ног на голову.

Славянский мир не спешил за городской цивилизацией, он еще несколько тысячелетий (с 3 тысячелетия праславянская общность) являлся, параллельно ей, собственно говоря, деревней, сельской местностью, жил родовым строем земледельческого типа, торгуя, но не перенимая образа жизни горожан. Любой мирный иноземец, живший в родовом обществе, мог по закону гостеприимства и по истечении проверочных лет, по мере овладения языком, стать «своим» и получить право выбрать себе жену и создать полноценную семью. Еще Геродот писал, что скифы-земледельцы скептически относились к древнегреческой культуре и свято хранили свои традиции, а они, несомненно, были славянами. Первое же объединение славян в нечто подобное государству произошло в VI веке уже нашей эры и под влиянием внешней угрозы (держава Само), поскольку внутренней необходимости менять свой привычный лад не испытывали. Славянская семья и род при этом практически не изменились, хотя влияние Запада (франки) и Востока (авары) не могло пройти совершенно бесследно.

Русская семья оказалась более счастливой, чем у многих близких нам славянских народов, подвергшихся на ранних этапах своей истории влияниям иноземных цивилизаций, что искажало корневую природу семьи. Отодвинутое на северо-восток славянское население, сохраняя самобытность, создает свое государство Русь (IX век) со столицей в Старой Ладогe (затем в Новгороде и Киеве), объединяя многие этносы и передавая им некоторые свои семейные ценности. Русская семья была традиционно крепка в своем ядре, она сохранила в большей чистоте живое и здоровое семя, посеянное еще в первобытное время. Этим она близка ко всем российским этносам тайги и степи, так же верным своим древним традициям. Но и ее на тысячелетнем историческом пути опыляли враждебные, деструктивные, чуждые нашей цивилизации ветра. Если бы не православная наша вера, вставшая на сторону народного понимания чистоты русской семейной жизни, вряд ли удалось бы сохранить первоначальное здоровое семя семьи. Крепко ее потрепали неустройство, социальные бури и войны последних столетий. Но все же, все же хочется верить, что будущий посев человечества — за традиционной семьей, за той, что не деформировала свое естество, оставаясь верной своей природе.

Обратимся к «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П.Я. Черных с целью обзора терминологии родства и подивимся ее несомненной древности. Семья по своему словарному определению — это «родители с детьми и другие близкие родственники, живущие вместе». Древнерусское слово «сьмие» означает большое семейство, домочадцев и включает челядь, работников, слуг и даже невольников (рабов до их обрусения), что значительно расширяет круг связанных между собою лиц. Оно ближе к обозначению семьи в словенском языке *družina* и созвучно по смыслу с чешским — *rodina*, то есть место, где рождаются люди. Сравните с сербо-хорватским словом, обозначающим семейный союз, «породица». Да и в других индоевропейских языках семьи определялись схоже, например, в древне-верхне-немецком *heim* — домашний очаг, дом, в готском *haims* — село, деревня. Есть масса примеров глубинного зарождения этого термина и расходящихся смыслов — вплоть

до древнерусского «лежать», «покоиться», «пробывать» и древнеславянского — «вселенная». Все они восходят к индоевропейскому обозначению деревни как сельской родовой общины. Таким образом, обозначение схожим по звучанию словом этой первичной организации человечества утопает в непроглядной древности.

Русская семья изначально была открыта миру, объединяя людей разных этносов, природных россиян и чужестранцев в трудовой коллектив, в единое целое. Заметим, что на Западе предпочтение отдается аналогу слова семья — фамилия. В русский язык оно входит лишь в начале XVIII века, обозначая «род благородный».

Остановимся на этимологии трех основных терминов: муж, жена и любить. Заметим, что все три слова графически составляют остроугольный треугольник, в котором есть только один глагол «любить», основание геометрической фигуры, и он связывает воедино два существительных (муж и жена), две сходящиеся линии в единой точке (дом). Смысл слова «любить» одинаков во всех индоевропейских языках: «переживание влечения, сильное тяготение, непреодолимая привязанность». Обращает на себя внимание, что в старославянском и древнерусском языках оно равно звучит как «любити» и мало чем отличается от современного русского, тогда как, например, в польском и украинском возникает странное звуко сочетание «кохати». Скорее всего, произошло историческое усечение первого слога древнеиндийского *lubhyati* — любит, алчет. Да и термин «либидо» выражает латинское искажение смысла, поскольку переводится как сексуальное влечение. Там, где в русском явлен прямой смысл — любить, в европейских языках исказилось в «хотеть», «хочется». Как явление назовешь, так оно и будет проявляться!

Слова «муж» и «жена», если вслушаться в их звучание, понятны во все времена, на всем протяжении эволюции индоевропейского языка, до самых его корней. Муж — это, прежде всего, мужчина, человек мужского рода. Индоевропейский корень «ману» с основой на «у» в древнерусском языке (с XI века) звучит как мужь — «именитый человек», «супруг», производные мужьский, мужество, мужати («укреплять»), мужатися. Жена (женщина, жонка) — подруга («подружие») мужа, его супруга. Приставка «су» означает — соединение, сочетание, совпадение (сравните — сосед, то есть сосед), а также — смешение (сравните — сукровица, суглинок). Но, обратите внимание, слово «жених» — производное от «жена», а не от «мужа», и звучит оно практически одинаково на всех славянских языках, что говорит о древности его бытования и о силе матриархальных отношений в прошедшие тысячелетия. Слово «невеста» не менее древнее. Означало оно молодую женщину («молодуху»), вводимую в род, то есть новую для семьи, ранее не известную. Вместе они составляют нераздельную двоицу и венчались (венок, венец) на бракосочетание. Общеславянское словосочетание «царский венец» приравнивалось к «свадебному венцу». Семья рассматривалась как царство, малое царство. В русских народных сказках «цари» — это просто главы семей, домохозяева.

Термины родства (индоевропейский корень *uerdu*) также схожи у всех славянских и близких к ним народов. В русском языке первые две буквы исчезают — род, но в слове «урожденная», «урожай» вновь появляются, а «урод» приобретает негативный смысл, хотя, казалось бы, что особенного быть у рода. Словом «рожать» обозначали целый ряд явлений, речь могла идти и о ребенке, и о хлебе (жито), и в целом о земле. Слово «дети» — сыновья и дочери по отношению к родителям — имеет устойчивый корень «де» и суффикс «т» означает «вскормленные грудью» и близко по смыслу с «дать», сравните со старославянским «благодать». Уже в индоевропейской общественной среде предпочтение отдавалось ребенку мужского рода, сыну (корень «su» — родить), что вполне понятно, поскольку он оставался в роду, в семье, и в дальнейшем приводил жену из чужого рода. Дети — это мальчики, на что указывает корень слова, обозначавший одновременно «сын». Но и в слове «дева» есть древнее напоминание о том, что она вскормлена грудью в родной семье своей матерью. П.Я. Черных полагал,

слово «дочь» могло бы первоначально значить «могущая (способная впоследствии) давать молоко».

Представители поколений, связанные узами кровного родства и происходящие от одного предка — родственники, — в индоевропейских языках имеют устойчивые по звучанию и смыслу обозначения. Например, сват (сватья, сваха) означает «свой»: близкий родственник одного из супругов и одновременно тот, кто принимает участие в сватовстве. От этого слова — и существительное «свадьба». Так естественно осуществлялась связь родов, и образовывалось племя, очерчивалась принадлежность к своим, «из своих» (сравните «племянник»). Слово «сват» восходит к индоевропейскому «suotos» и говорит о раннем сложении из семей родов, а из родов — племен, скорее всего, еще в неолите или энеолите. Мать мужа по отношению к жене называется «свекровь», а отец мужа зовется «свекр» («всех кров»). И этот термин родства уходит в глубочайшую древность, в нем заключается идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду. Сравните «сестра» («дочь» у всех славян), то есть своя кровь. В старославянском «собство» обозначало лицо, особу, принадлежащую к роду и обретенную под его защитой свободу быть со своими, земляками, со своим народом. И сегодня притяжательное местоимение свой (своя, свое) собственно означает «родной».

Свадьба молодых неизбежна — это их судьба, участь, вернее, доля (половина одного целого, мужской и женский пол), это то, что должно случиться, что обязательно произойдет (соединение в одно целое, в семья, семью). Слова «судьба» и «свадьба» близки по звуку и по форме и глубоко распространены во всех славянских языках. Оба они волшебным образом соединены — возможно, отсюда и «обаяние», «обаял», с XIII века в древнерусском языке приобретшие значения «волхование», «чародейство».

Но разве не чудо — появление в малой семье детей! И они, с младенчества своего уже — активные участники родовой жизни, начинают добавлять народу (языку) новые слова, которые с радостью подхватывают их родители. Именно из детского лепета происходит самое дорогое для нас слово мама («ма-ма», удвоение ма) — и не только у индоевропейских народов, но и в узбекском, и китайском, и японском языках... Именно от него уже происходит резкое «мать» и древнерусское взрослое слово мать. Скорее всего, детским является и слово папа, хотя в нем и усматривают греко-латинское происхождение, но в форме тятя (отец) оно известно всем славянским языкам и восходит к древнеиндийскому tata-h в значении родителя мужского рода. То же самое можно сказать и о словах «дядя», «деда» и «баба». Это, несомненно, элементы детской звукоподражательной речи, на что указывает удвоение слогов. В слове «баба» чувствуется младенческое непосредственное удивление, восхищение, восклицание. Древнерусское слово «баба» — замужняя женщина, жена, его производные — бабье, бабий, бабка, бабушка и даже бабник. Тюркское слово «баба» также возникло из детской речи с повторением созвучных слогов, но обозначает прямо противоположное — папа, отец. Так услышал это слово, вылетающее из уст ребенка, этот народ, впрочем, то же значение оно имеет и в китайском языке.

В традиционных культурах осуждались люди, не вступившие в брак. Вся русская народная словесность тому свидетель. «Бобиль» — неженатый мужчина, бездомный человек поэтически сравнивался с былинкой, одиноким стебельком и в экспрессивной речи приравнивался к сироте, а потому и достоин жалости. И к старым девам отношение в традиционном обществе было не лучше. Во всех славянских народных свадебных обрядовых и лирических песнях главными персонажами являлась возлюбленная пара, девушка (невеста) и юноша (жених), а далее — вся родня молодых, о коих мы ранее рассказали.

Вслушайтесь в слова, обозначающие термины родства, отношения между мужем и женой; в них столько поэзии — спрессованной за тысячелетия и дошедшей до на-

шего времени, будто каменноугольные пласты или залежи нефти, созданные предками для того, чтобы согреть нас в холодные години. В своей совокупности они породили сердцевины всех мифов, связывая родством и светлых небесных, и подземных, хтонических богов по образу и подобию человеческих противоречивых отношений.

Древнейший жанр фольклора, уводящий в непомерную анимистическую древность человечества, — заговоры. Как ни боролись с ними просвещенные церковники и представители науки, особенно медицины, они и сегодня продолжают в замаскированном и деградированном, в силу своей оторванности от целого состава древней культуры, виде бытовать в народной среде. Конечно, на них сказалось влияние христианства, но языческая сердцевина явно доминирует, особенно в любовных заговорах. Главный их смысл — укрепить, закалить непреодолимое чувство любви: «Чтобы красная девица (имярек) тосковала и горевала по (имярек) во сне суточные в двадцать четыре часа, едой бы не заедала, питьем она не запивала, в гульбе бы она не загуливала, и во сне бы она не засыпывала, в теплой паруше калиновым щелоком не смывала, щелковым венником не спаривала, пошла, слезно плакала, и казался бы ей (имярек) милее отца и матери, милее всего роду-племени, милее всего под луной Господней, скатного жемчугу, платья цветного, золотой казны».

Любовь издревле считалась наивысшей ценностью. Что же, с народной молвой не поспоришь. Заговоры (присушки, привороты-любжи) запечатывались словесной поэтической печатью: «Будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата. Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине...» За любовь, за крепость семейных уз боролись, как могли, в том числе и средствами колдовской поэзии. Приведем фрагмент характерного заговора на остуду между мужем и женой: «Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном да подвальным бревном, положу шапку под пяту, под пяту не на сыру землю, не на сыру землю да в черный чобот; а в том чоботу побегу я в темный лес, на большо озеричо, в том озериче плавает челнище, в том челнище сидит черт с чертищей; швырну я с-под пяты шапку в чертища. Что ты, чертище, сидишь в челнище с своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицом от своей чертищи; поди ты, чертище, к людям в пепелище, посели, чертище, свою чертищу такому-то в избище, а в той избище, не и как ты, чертище, со своей чертищей, живут людища мирно, друг друга любят...» Сколько же точных деталей, как ладно построена речь, буквально видишь бедного мужа-славянина, чертыхающегося и вымаливающего мир и покой в своей семье. Некоторые заговоры лексически перекликаются с русскими народными сказками, также являющимися в основе своей современницами родового волшебного царства старинной русской деревни.

Из русских волшебных сказок возьмем ту, которая отражает общеславянскую древность, дает максимально полную, с нашей точки зрения, картину семьи родового общества. В сказке «Марья Моревна» (из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки») показана семья, состоящая из родителей (отец и мать), сына Ивана-царевича и трех сестер, трех царевен: Марья-царевна, Ольга-царевна и Анна-царевна. Ни о каком царстве речь не идет. В русской волшебной прозе царством именуется малая семья. Перед своей смертью родители наказали сыну: «Кто первый за твоих сестер будет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!» Первым посватался «ясен сокол». Сватовство обставлено как переход от мирной жизни в родительском доме («зеленый сад») к чему-то иному, прямо противоположному: «Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная»; «грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и

говорит: “Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать”. На что Иван-царевич отвечает: “Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю...” Она полюбовно согласилась, и сокол “унес ее в свое царство”».

Волшебная способность оборачиваться в зверя — оборотничество — черта архаических героев (так былинный богатырь Волх учился обертываться ясным соколом, волком и «гнедым туром золотые рога»), а громкое сватовство — вполне в старинной сказочной традиции. Точно так же, во второй и третий раз, появляются орел («встает туча с вихрями, ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок») и ворон («опять встает туча с вихрями, с молнией... ударил гром, раздвоился потолок... прежние были хороши, а этот еще лучше») и женятся на средней и младшей сестре. Кумулятивный повтор с усилением поэтических оборотов — характерная черта не только волшебной прозы, но и всей русской народной словесности. Образ разорванного надвое потолка был и без пояснений понятен слушателям, ведь скоро обе половинки сойдутся вместе.

Скорее всего, речь в сказке «Марья Моревна» идет о названии соседних родов, а не о реальных именах женихов. Создается вполне мирная картина: молодцы и прежде гостиwali, и высмотрели себе невест, и добились их расположения. Таково начало сказки, но в нем спрессована целая эпоха жизни народа, когда люди соседних родов были родными, то есть «своими». И вот что следует отметить: притяжательное местоимение «свой» (свойственный) неизменно сохраняло и звучание, и смысл на протяжении всего бытования славянского этноса, восходя к древнеиндийскому «sva — svaka». Оно имеет междометный характер, от него происходят такие термины родства, как «свояк», «сватовство», «свадьба» и другие.

Вернемся к нашей сказке. Проходит год, и Иван-царевич, соскучившись, решил навестить своих родных сестер и отправился к своякам погостить — да заодно узнать: не народились ли племянники, то есть не прибыло ли в его роду-племени. Для сокола, орла и ворона Иван приходится шурином по шкале племенного родства. Слово «шурин» (множественное — шурья) известно в древнерусском языке с дописьменного периода и восходит к индоевропейской основе «sur». Заметим, что сурья — это солнечное божество (в древнеиндийской мифологии), а возможно, и само солнце, русское солнышко, что светит из родного дома сестрам-женам. Сурья (женский род) во втором своем значении — дочь солнечного божества Сурьи, и не случайно ей в «Ригведе» посвящен свадебный гимн. Сказка все помнит, да не сразу все свои смыслы раскрывает.

Итак, Иван-царевич решил навестить своих замужних сестер, и вдруг совершенно неожиданным образом попадает на сказочное поле, где лежит «рать-сила», «побитая» заморской воительницей Марьей Моревной, «прекрасной королевной». Через некий волшебный портал мы сразу же попадаем в другое время, в иную, далеко не мирную эпоху. Надо полагать, что христианизированное имя Марья — это позднейшая замена языческого имени Мара, на что указывает, возможно, ее отчество, а также одноименные героини других русских сказок и мифов. Образ Мары имеет индоевропейские корни.

Ивану-царевичу предстоят испытания, но не ранних его этапов, завершающихся женитьбой, а более поздних, осуществлявшихся при посвящении молодого мужчины в воинское или любое другое профессиональное достоинство. Мы оказались на границе образования классового общества, в мире так называемой военной демократии, когда племена враждовали друг с другом. Древний закон крови, благотворно повлиявший на историю человечества, окостенел в кровнородственных связях и привел к новой традиции — кровной мести по языческому правилу «око за око, зуб за зуб». Укрепилась оппозиция «свой и чужой», то есть не свой, не родной, не связанный общим взглядом (идеологией), совместной работой.

И вот наезжает Иван «на шатры белые» и встречает чужую ему Марью Моревну, которая приветствует его такими словами: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?» По правилам «вежества» (хороший тон) Иван отвечает: «Добрые молодцы по неволе не ездят!» И тут вопреки всякой логике Моревна зовет чужака в гости, а «Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней». Обратите внимание, царевич ей полюбился, а не она ему. Вот так стремительно и скоропалительно, вопреки обычаю сватать невесту. Казалось бы, по сюжету Иван должен был сразиться с королевой, как происходит в некоторых сказках и былинах. К примеру, в эпическом сказании «Волх Всеславьевич» дело завершается воинским подвигом дружины и поголовной женитьбой всех ее членов на невестах-пленницах. Но тут в деле создания семьи верховодит любовь, более того, новая любовь, и древние обычаи перед ней отступают.

Испытания Ивана-царевича женитьбой не кончаются, а лишь начинаются. Жена, уезжая на войну, наказывает мужу: «Везде ходи, за всем присматривай: только в этот чулан не моги заглядывать!» Ясное дело, он, как и множество других сказочных героев, не смог преодолеть соблазна: «тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован». Кощей — злой чародей, древний персонаж русских волшебных сказок. И вот по природной доброте своей Иван освобождает Кощя, трижды дав ему напиток. Но лишь Кощей «взял прежнюю силу», как умыкнул Марью-королеву и унес ее в свое тайное логово, «а Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: “Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!”» Да, за любовь надо уметь бороться, семейная жизнь — также поле для сражения и место для подвига. Собственно, с этого места сказка и начинается. И хотя в многовековой устной передаче с нее слетели многие детали, но костяк остался.

По ходу повествования, вобравшего многие элементы из сказочного мира, наш герой, до сих пор не проявивший никакого геройства, поочередно встречается со своей родней из рода сокола, орла и ворона и черпает от них уверенность в правильности выбранного пути. Родня, как известно, любит подарки, и Иван-царевич дарит последовательно серебряные ложку, вилку и табакерку на память. В данном случае они являются теми волшебными оберегами, что спасут Ивану жизнь. Никакого плана у Ивана нет, но есть уверенность, что сердце любящего мужа само подскажет, как поступать и где искать. И на третий день он находит Марью Моревну: «Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: “Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушал — посмотрел в чулан и выпустил Кощя Бессмертного?”» На это обвинение жены Иван отвечает в духе народной мудрости, исключаящей семейные разборки: «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощя Бессмертного: авось не догонит!» Послушная жена соглашается на это «авось». Тут сказывается то, что сказители уже в нескольких поколениях были христианами, и в их сознание прочно вошла мысль, что муж — глава семьи. Но Марья Моревна, как любящая женщина, просто могла и не устоять перед словами, вложенными сказителями в уста Ивана: «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». И Кощей Бессмертный догнал и в мелкие куски изрубил Ивана, а для надежности «покал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну с собой увез».

Однако злодей не учел силу родовой взаимовыручки. Серебряные дары почернели, и зятья Ивана поняли, что пришла беда. Орел достал из морской пучины бочку, сокол слетал за живой водою, ворон за мертвою водою — и по известному волшебному способу воскресили Ивана-царевича, зовут в гости. Тот отвечает твердо: «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну». Однако на сей раз он действует осмотрительней. По просьбе Ивана жена допытывается у Кощя, в чем его сила и где его смерть. Мотив выпытывания пленницей и передачи герою-избавителю кощева секрета обы-

чен в сказках подобного рода. Как правило, приводится известная формула: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце — смерть Кощея Бессмертного». Вот такая волшебная матрешка. Но тут нечто особенное оказывается не в яйце, а в волшебном коне, которого Иван добыл себе службой у бабы-Яги, имеющей целый табун лошадей. Жена дает Ивану платок-оберег, что умыкнула у злодея, чтобы он смог перебраться через огненную реку, и отпускает его в неведомую страну, где пасутся волшебные кони.

Сказитель рисует трудности пути и три встречи: с заморской птицей с малыми детками, с пчелиной маткой и львицей со львенком. Это обычная проверка героя на вежливость и сострадательную доброту, которую он успешно проходит. Затем следует проверка на смекалку и профессиональную зрелость — в данном случае, Иван становится пастухом стада волшебных кобылиц. Если пастух потеряет хотя бы одну кобылицу, то сам погибнет, а если справится, то получит в оплату лучшего коня. Вот тут-то и пригодились волшебные помощники, совершившие всю работу за Ивана, а пчелка еще и предупредила о коварстве: «Как воротиться домой, бабе-Яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты укради его и в глухую полночь уходи из дому». Так Иван-царевич и поступил. Доехал до огненной реки, махнул три раза платком-оберегом по правую сторону, появился мост, переехал через него и махнул платком на левую сторону, а третий раз не стал, знал, что погоня будет. Дальше рассказчик живо и эмоционально рисует следующую картину: «Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: “Хорош мост!” Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-Яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал у него чудный конь». И Кощей оказался в этой сказке совсем не бессмертным, богатырский конь копытом его прибил, а Иван палицей доконал и «спалил Кощея Бессмертного на костре», а «самый пепел его устил по ветру». Вот теперь Иван-царевич стал окончательно мужем для своей заморской жены, победителем нечистой силы, «и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу, всюду встречают их с радостью... и стали себе жить-поживать да медок попивать». Вот такая спрессованная из нескольких столетий, а то и тысячелетий, история приключилась и запомнилась в русском народе. И мы можем, пусть и смутно, но явно в главных чертах увидеть в ней достоинства и обобщенный характер языческой любви, семьи, взаимоотношений между родственниками, бывших еще до времени рождения государства Русь.

Пословицы, как мы их понимаем, также могут явиться свидетелями общеславянской дописьменной истории. Поэзия в них так велика, что дает им долгие века жизни. В чеканном слове оттачивается главная общественная ценность: «Любовь правдой крепка», «На что клад, когда у мужа с женой лад», «Любовь да совет, так и нужды нет», «Хозяйкой дом стоит», «Вдоветь — беду терпеть» и так далее. Пословицы или народные афористические максимы известны у всех этносов мира. У славян, соседствующих с западной цивилизацией, больше заимствованных, даже книжных изречений и менее глубокий захват архаики, но они все едины в главном — в своей оценке любви и семьи. Приведем некоторые из них: «Любовь любовь родит», «Старая любовь не забывается» (чешские), «Где хатка, там пани матка», «Без хозяйна дом плачет» (польские), «Согласие в семье — наибольшее счастье», «Брак без детей — день без солнца», «Тяжело теще на зятёвой улице» (сербские), «Любовь делает чудеса», «Кого боишься, того не любишь», «Как мать прядет, так дочь ткёт», «Если муж жену ругает, дети ее бьют» (словенские), «Хорошая жена лучшее богатство», «Дом без женщины не держится» (болгарские), «Какое семя, такое и племя», «Какой отец, такой и сын; какое дерево, такой и клин» (словацкие), «Родина — мать, чужбина — мачеха», «Никто не ведаёт, как сирота обедает» (белорусские). Корпус поговорок народов мира очень велик, все они представляют собой художественно-философские обобщения точных

наблюдений над всеми сферами жизни, но ядро их — дом, любовь, семья, причем дом деревенский, а не городской, и любовь естественная, а не искаженная, не оторванная от своих сельских корней. Вот как рисуется в русской загадке место обитания человека: «Мать толста, дочь красна, сын храбер под небеса ушел» (печь, огонь, дым). Какой поэтический реализм, как схвачены основные детали интерьера деревенской избы! Да ведь и многие тысячи лет заговоры, сказки, пословицы и другие жанры фольклора могли сохраняться лишь в неспешной, устойчивой, традиционной жизни мировой деревни.

В былинах, балладах, гайдуцких и юнацких песнях образ семьи уже лишен былой гармонии. Богатыри покидают родительский дом, место их действий — заставы, стычки, сражения. Они, по сути своей, очень одиноки, редко ищут свою пару, думают не о любви к женщине, а о долге перед дружиной, о защите своего отечества. Наступило немирное время и отозвалось в семьях болью, утратами, неверностью и прочими бедами. Но традиционная семья врачевала больное общество, оберегала его, не давая выйти из берегов в своем безумном разливе. Так продолжалось долгое время, сложились и укрепились в народе большие семьи («верви»), появились соседские общины («миры»), стала утверждаться знать (князья, бояре, дружина), подули новые враждебные ветра. Эпоха семейной любви неуклонно скатывалась к вражде, зависти, дрягмам, отрицанию того, что брезжило прежде. И это был звоночек грядущих перемен.

ОТ ПРАВА СИЛЬНОГО К ПРАВОСЛАВИЮ

На языческой Руси во всех делах и устремлениях ценилась сила, как телесная (богатырская), так и словесная (поэтическая), и чем она мощнее, тем лучше. Глава семьи, муж, был грозой дома, малым Перуном, господствовавшим над домочадцами. Хорошо, если гроза заканчивалась плодородным ливнем, чаще — потопом, беспощадным к слабому полу. Жена, по образу божественной подруги громовержца Мокоши, пряла пряжу, ткала холсты, занималась домашним хозяйством. Именно она, а также дети и родня по материнской линии оказывались «слабыми». Языческие боги подавали верующим в них людям не лучшие примеры бытового поведения. Далеко не всегда они были правы в своих действиях по отношению к близким, даже родным по крови. И хотя на Руси не было традиции человеческих жертвоприношений, кроме самых крайних случаев, боги требовали себе материальные требы, подношения, дары. Переплетение племенных и иноземных богов только усиливало мировоззренческую путаницу. Князь Владимир, искренне желая укрепить государство Русь, а значит, и семьи, избрал наиболее значительных для своей дружины и народа языческих богов. Как в семье обязанности распределяются между всеми ее членами, так, похоже, он избрал для создания своей государственной кумирни, пантеона, тех богов, которые могли бы помогать людям в самых насущных и разнообразных делах. Думается, ему необходимы были незаурядные умы для воплощения этого крайне несвоевременно, исторически запоздалого замысла.

Русь в IX веке была явлена миру как молодая и все усиливающаяся держава языческой веры. Прочие славянские государства к этому времени в нескольких поколениях были христианскими. Великий князь Владимир Святославич, былинный «Красное Солнышко», являлся правителем уже в четвертом поколении и достиг полноты силы и власти, окружив себя боярами, богатырской дружиной и «нарочитыми» людьми. А что русская семья? Она оставалась в своей здоровой сердцевине той, что и была несколько тысячелетий до этого времени. Она по-прежнему была верна правым (светлым) народным языческим традициям и по отношению к детям, и к родне, и чужа-

кам, скоро становившимся «своими». Именно семья являлась гарантом крепкого и по возможности справедливого общества, но у разноплеменной великокняжеской дружины в семейной жизни не все было гладко. Столько противоречивых, старых и новых, рожденных государственной властью, разнообразных традиций собралось вместе, что она стала буквально трещать по швам. Достаточно вспомнить былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, об их распре, о постыдном сватовстве младшего товарища по оружию к жене друга и соратника Настасье Никулишне (распустил слух о смерти Добрыни в бою) во время более чем вынужденного двенадцатилетнего отсутствия ее мужа. Множество и других былинных свидетельств об изменах, нестроениях в тогдашних русских семьях. С этим надо было что-то делать. Нескончаемые войны развращали не только новую аристократию, но и низшие слои, общинное воинство и отпавших от корневых устоев людей. Сказители русских былин видели эту беду и осуждали поэтическими средствами, ратуя за старину. Так что рыба Русь стала одновременно подгнивать и с головы, и с хвоста.

Итак, мы уже знаем, что все народы, вышедшие из языческой первобытности или еще находящиеся под ее обаянием, были уже оснащены таким универсальным инструментом, как семья. Естественно, она имела свои различия, неповторимые особенности, свои плюсы и минусы. Русский народ не исключение, а если учесть, что он позднее, чем многие другие, разорвал ленточку государственности, то и традиционность семейных союзов оказалась и чище, и прочнее, чем, например, у западных соседей. Можно сказать, что путь славян на север и восток был исторически предначертан, ведь там обитали народы, близкие по семейному укладу, не поврежденному цивилизацией. Открытость русской семьи, готовность вобрать в свое благодатное и благодарное чрево всех, этого желающих, сыграли главенствующую роль. Те общества, где наблюдался распад семьи, были менее жизнеспособными и вели, как и в настоящее время, к их деградации, к упадку человечности в людях. Крепкая семья — крепкое и здоровое общество, любовь соединяет, а ненависть разделяет — таков закон природы.

Вернемся на Русь и посмотрим, как удалось ей справиться с надвигающейся грозой распада семьи эпохи раннего индивидуализма, можно сказать, хаоса воинствующих индивидуумов, пусть даже богатырской породы. Прежде всего, крестьянские семьи, объединенные в соседские общины, не были в полной зависимости от княжеской власти, обладали автономией во внутренней, бытовой жизни. Государство взяло на себя функцию обороны большого отечества, территориальная община отстаивала интересы семьи, хозяйственные и воспитательные, производя материальные ценности и воспроизводя поколение за поколением в народных традициях. Такое «разделение труда» существовало веками. Семьи ремесленников (профессиональных кузнецов, горшечников, ювелиров и так далее) концентрировались, как правило, вокруг княжеского детинца и боярских усадеб, ища защиты у зарождающегося государства. Они объединялись в «уличанские» союзы («братчины»), также имеющие свое самоуправление и свои специфические обряды, например, обряд посвящения в мастера. Князья и дружинники по долгу службы не могли уделять достаточно времени для организации жизни семьи, оставляя детей на попечение жен и слуг. Подростков и юношей по мере их зрелости воспитывали и обучали прямо в дружинных организациях. У русских дружинников было даже специальное место «пасынча беседа», где осуществлялось посвящение в профессиональные воины. Да и центры зарождающихся городов носили название «детинец», что косвенно указывает на их связь с обучением юношей военному ремеслу. О значительных успехах русичей в освоении этого ремесла упоминают византийские авторы. Так, по словам Иоанна Эфесского, русские воины за короткое время «научились военному делу лучше самих византийцев».

Подготовка воина княжеской дружины начиналась с самых ранних лет еще в семье. Арабские авторы в свидетельствах, относящихся к IX веку, приводят семейный

обряд посвящения новорожденного ребенка воинским оружием. В текстах о русах, путешественника Мутаххара ибн Тахара ал-Мукаддаси мы читаем: «Рассказывают, что если рождается у кого-либо из них ребенок мужского пола, то кладут на него меч и говорят ему: “Нет у тебя ничего другого, кроме того, что приобретешь своим мечом”». Конечно, арабский купец расспрашивал не о простых людях, а о знатных воинах возможного противника. В данном обряде подчеркивается наследование сыном профессии отца, но и о семье русов, женской ее составляющей, есть любопытное свидетельство: «Если умирает у них человек и оставляет дочерей и сыновей, то все имущество достается дочерям, сыновьям же дают только меч и говорят: “Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру”», или еще интересная деталь переводного текста: «Когда родится сын, отец кладет ему на живот меч и говорит: “Вот тебе наследство”» (Сборник документов по истории СССР. Ч. 1. — М., 1970. — С. 46). Стоит добавить, что в древнерусском языке «живот» означает и жизнь, и наследство одновременно. Высокий социальный и имущественный статус женщины высшего сословия — явно древнее наследие восточнославянской семьи. Не только мать, но и целый штат кормилец, мамок и нянек по заимствованной византийской традиции воспитания знати окружали княжича. Но действовали и старинные отечественные традиции, например, отдавать на воспитание княжича в материнский род (семью) брату матери, то есть родному дядьке. Как правило, ему отдавались парни после семейного обряда «застригания» (сравните с «постригом»), связанного с обрядом «посожения» молодого княжича на коня, что символизировало переход из-под женской опеки к мужской.

Попробуем на примере князя Владимира Святославича, как ярчайшей фигуры того переломного времени, осветить проблему русской семьи. Мифологизированный образ князя в древнейших былинах (старины) значительно уступает его историческому жизнеописанию. Прежде всего, это «ласковый князь», идеальный правитель, с цельной и благородной натурой. Нет ни малейшего намека на его многоженство, распутство, корыстолюбие и прочие отрицательные черты личности. Каким был в расцвете, таким и остается, приняв христианскую веру. У былинного Владимира одна жена Апраксия. Один из былинных сюжетов посвящен тому, как он отправляет сватов к литовскому королю и сватает королевичну Апраксию, которую и берет в жены. Жена Владимира в былинах, как правило, рисуется достойной, доброй женой своего мужа, ласковой и мудрой правительницей. Она поддерживает богатырей, примиряет их с князем. И все же именно у нее, а не у мужа, есть недостатки, конечно, с точки зрения патриархально настроенных сказителей. Так, она высказывает симпатии к Тугарину («Змеище Тугаринище»), а когда «увертливый» Алеша Попович побеждает его у Сафат-реки, печалится и упрекает богатыря, что разлучил ее с «другом милым». В народном сознании женщины всегда были консервативнее мужчин и сильнее хранили память о дописьменных временах, событиях и героях. Ведь Тугарин (Огненный Змей) был некогда связан с культом огня и воды, а значит, и с семейным очагом, и со священным колодцем. Апраксия в былинах о Чуриле так же увлекается красавцем-столяком. Она уговаривает мужа сделать Чурилу своим постельничим. И все же не об изменах, а об увлечениях, в целом невинных, повествуют сказители былин, когда речь идет о жене идеального правителя. Для былинного Владимира дороги семейные ценности, которые он переносит на все свое государство: «Как солнце собирает вокруг себя звезды, так и Владимир собирает вокруг себя всех членов своей семьи, главных богатырей, всех богатырей, весь народ и опекает их» (В.В. Иванов, В.Н. Топоров; см. статью о Владимире в «Мифологическом словаре». — М., 1991).

Исторический же князь Владимир до принятия христианства (988 год) — один, а после — совершенно другой. И это настораживает: может ли так кардинально измениться человек? Впрочем, апостол Павел из гонителя христиан превратился в великого проповедника Христа, правда, после мистической встречи с Ним по дороге в Дамаск. Ничего подобного в жизни Владимира не происходило. Родился он в язычес-

кой семье воинственного князя Святослава Игоревича и получил типичное дружинное воспитание. Правда, мать его — Малуша — была ключницей княгини Ольги, впоследствии принявшей христианство, но ни мать, ни бабка не могли привить любви к Христу. После смерти отца (972 год) и распри между его братьями (от других жен) Ярополком и Олегом, отличавшимися веротерпимостью (по «Повести временных лет») и жадной единоличной власти, закончившейся смертью Олега (977 год), Владимир, опасаясь за свою жизнь, скрывается в земле варягов, где-то в Скандинавии, в то время языческой стране. Собрав дружину воинственных варягов, он возвращается в Новгород, некогда отданный ему в правление Святославом, и оттуда, по старинному праву кровной мести, объявляет войну Ярополку (979 год). В это же время Владимир входит в брачный возраст и отправляет сватов к Рогнеде, дочери полоцкого князя, чья земля лежала на пути в Киев, тогдашнюю столицу Руси. Как известно из «Повести временных лет», девушка, подчеркивая свое княжеское достоинство, отказывает ему с обидной формулировкой, что она не желает разувать (знак покорности мужу) сына рабыни. Владимир осаждает и берет Полоцк, князь Рогволод, отец Рогнеды, гибнет, и он, как добычу или трофей, силком берет гордую девушку в жены. Затем Владимир расправляется с доверчивым братом Ярополком: заманивает его обманом к себе и с помощью варягов умертвляет. Так он и вокняжился в Киеве (980 год).

2

Государственная машина ко времени правления Владимира была хорошо отлажена: дружину (армию), полюдье (налоги), судебную систему и прочие атрибуты власти создали его предшественники. Оставалась одно — принять единую государственную религию. И тут юный князь (ему было около двадцати лет), скорее всего, по совету волхов, пошел по неверному, исторически устаревшему пути. Он решает создать пантеон русских языческих богов. Из множества традиционно почитаемых божеств избираются семь, сакральное число на Руси, и каждому на холме вблизи Киева ставится идол. Все они — из верхней зоны мироздания, правящие миром боги: Перун, Мокошь, Дажьбог, Велес, Стрибог, Хорс и Семаргл. Обращает внимание, что среди них лишь одно женское божество, составляющее божественную супружескую пару с грозным богом русской дружины Перуном — Мокошь. У князя Владимира Перун — высший бог, и что может быть важнее для правителя, чем его войско! Перуна представляли воином, мчащимся по небу на боевой колеснице с топором в руке и мечущим камни и стрелы. Отсюда в более позднее время его отождествили с Ильей Пророком (по бороде и громокипящей колеснице). Распространенные его эпитеты — правый, светлый, святой. Он представлялся в виде воина с серебряной головой и золотыми усами. Повсеместно ему посвящали самые огромные дубы («Перунов дуб»), особенно те, что росли на высоких холмах и глядели по четырем сторонам света (четверг считался «днем Перуна»), или ставили идолов. Под Новгородом на возвышенном месте в языческие времена стоял кумир Перуна.

Люди имеют многотысячелетний опыт наблюдения за природой, в том числе и человеческой. Лучшие свои качества они как бы делегировали светлым, небесным богам, объединяя их понятием Белобог, отрицательные — темным, подземным, соответственно — Чернобог, составляющим нижнюю часть мироздания. Вот такой дуализм, напоминающий учение иранского мудреца Заратустры. А что же само человечество? По наблюдению славянина, оно как раз и составляет промежуточную, некую серую зону, где причудливо переплетаются добро и зло: первое занимает правую сторону (одесную) и устремлено к идеалу, к правде, второе — левую сторону (ошую) и устремлено к пороку и лжи. Таково было, в своей упрощенной основе, мировоззрение язычников. Мокошь, несомненно, принадлежала к правым божествам, иначе она

не преобразилась бы в христианскую святую Параскеву Пятницу. И до этого своего преобразования Мокошь покровительствовала женщинам, определяла их судьбу, была, так сказать, трудящейся богиней-пряхой и свахой в сердечных делах, в супружестве, материнстве. Ее иначе называли Мокридой и посвящали богине колодцы, совершали обряды, например, жертвовали ей кудель (пряжу), а она помогала в женских работах — ткать и белить холсты и так далее. Образ Мокоши сливается с древнейшим представлением о женщине-божестве, которую индоарии называли Ардвисуре Анахите, а русские — Мать сыра Земля, считая ее совершенной и беспорочной.

Многие славянские божества не вошли в языческий пантеон Владимира. Среди них — близкий к Мокоши, так сказать, входящий в ее свиту, Купала, известный по бытующим до настоящего времени купальским игрищам праздника летнего солнцестояния. Этот бог призван был обеспечивать плодородие, имя его производится от глаголов купать и кипеть, в переносном значении — страстно желать. Известен он с праславянских времен, даже более ранних и, в свою очередь, связан с женским божеством — Марой. Связь их имен сохранилась в названии цветка Иван-да-Марья, символа купальских обрядов, в котором желтый цвет ассоциировался с огнем, а синий — с водой, как бы остужающей чрезмерное кипение влечения мужчины к женщине. Признаки купальского обряда — колесо как образ солнца и речная или озерная вода. Огненное, горящее колесо участники языческого обряда скатывали и топили в воде. Такая драматургия влекла тысячелетиями молодежь к обнаженному любовному буйству и была неистребима. Девушки невестились, парни показывали свою удаль.

В пантеон Владимира не вошел Сварог, солнечный бог огня, почитавшийся на Руси язычниками («Слово некоего христороубца»). С ним тесно связан Ярило, олицетворяющий плодородие и сексуальную мощь. Ярилины игрища и сопровождающие их народные песни и загадки были широко известны до самых недавних времен. Языческий кумир давно забыт, а игры, обрядовые действия обнаружили бытовую живучесть. Это и понятно, поскольку создавали благоприятные условия для брачующихся пар молодежи соседних сел и деревень. Распределители игрищ, как правило, наиболее почитаемые люди из старшего поколения, умели справляться с крайностями Ярилиного обряда и своим непрерываемым авторитетом направляли его в этическое и эстетическое русло. Поэзия самого действия очищала его от скабрёзности и бессмысленного буйства, но с годами роль стариков стала ослабевать, и мы хорошо знаем, к чему это приводит. Но во времена Владимира Красно Солнышко ничего не предвещало искажения культа, вероятно, он являлся красочным и праздничным действием. В памяти народной сохранились жемчужины устной словесности: «Волочил Ярило / По всему свету, / Полю жито родил, / Людям детей плодил, / А где он ногою, / Там жито копною, / А куда он взглянет, / Там колос зацветет». Но остались в ней и эротические моменты, например, в загадках для взрослых: «Выбежал Ярилко из-за печного столба, начал бабу ярить, только палка стучит» (помело, метла). Скорее всего, в профессиональной дружинной среде в те времена приветствовался культ силы, включая и тот, что считается «тринадцатым подвигом Геракла». И такая загадка вполне в духе солдат, вынужденных воздерживаться от связи с женами до победы над противником, а затем — золото (богатство) и женщины (добыча, пленницы) доставались победителям. После этого усталые воины возвращались к своим семьям. У русичей Ярило был, скорее, полубог, герой, сын грозного Перуна. На вопрос о Яриле прямой ответ был дан русским мужиком времен Екатерины Великой: «Он, Ярило, любовь очень одобрял» («Жизнеописание Тихона Задонского»), но здесь речь ведется не о духовной, и даже не о душевной, а о плотской любви.

Отдельное место в пантеоне Владимира занимал Дажьбог, как и Ярило, считавшийся, по свидетельству русских летописей, сыном Сварога (огонь, солнце), но уже царствующим на Земле. Власть любит себе присваивать родство с небесными богами. В «Слове о полку Игореве» дважды говорится о Дажьбоге как о деде (предке) рус-

ских людей: «погыбашеть жизнь Дажьбожа внука» и «вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа вѣнука». Этот факт позволяет с полной уверенностью говорить о нем как о русском боге-прародителе, опекающем своих внучат-наследников. Перун являлся не этническим, а, скорее всего, дружинным, межэтническим кумиром. Дажьбог означает «дающий богатство», саму жизнь (живот), имя его может трактоваться как «богатство (наследие), данное от бога». Русское слово «бог» издревле означало — богатство. Оно известно и другим славянским (сербская сказка «Дабог») и даже праславянским народам, восходя к санскриту. Это бог-даритель всех земных и небесных благ. Не случайно он изначально был связан со свадебным обрядом, как его создатель и покровитель, который на рассвете (солнце) встречает жениха-князя «меж трех дорог» и «высылает соловушку замкнуть зиму и отомкнуть лето», как поэтично пели в Малороссии, рисуя картину начала новой, семейной жизни. Выходит, что все мы по отчеству Дажьбожичи!

По смыслу близок к Дажьбогу другой идол Владимирова пантеона — Стрибог, что могло означать «прости богатства на каждого русича». В «Слове о полку Игореве» ветры названы «стрибожьими внуками», которые «стрелами веют с моря», что образно соотносится с воинами, заставами и дружинами, оберегающими державу князя Владимира. Они не создавали материальных благ, но требовали справедливого их распределения, оплаты за свой ратный труд. Вот таким богом-распределителем и был Стрибог. Оба эти имени в своем составе заключают слово «бог». И это понятно, поскольку бог означал богатство, материальное и культурное, а «свое» богатство требовало защиты от врагов. Вся бесчисленная нечисть (низшие демонологические существа и духи) в виде всевозможных злыдней, которыми богат фольклор каждого народа, накидывается на человека в отсутствие у него справедливой Доли.

Князь Владимир, стремясь создать крепкое государство, как бы семью народов, что было в духе восточного славянства, ввел в свою семью-пантеон двух предположительно иноземных богов — Хорса и Семаргла, почитавшихся вместе с другими древнерусскими богами. Идол Хорса стоял по соседству с идолом Дажьбога, но иной, южной или восточной земли. По крайней мере, у других славянских народов он отсутствует. В «Слове о полку Игореве» в месте, где говорится о князе Всеславе, есть любопытный отрывок, наделяющий этого князя способностью оборачиваться в волка, то есть качествами былинного Волха: «...самъ вѣ ночь влѣком рыскаше: изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше». В текстах Куликовского цикла Хорс относится к богам, почитаемым Мамаем. А идол Семаргла олицетворял собою счастливого у восточных славян число «семь» (семь идолов Владимира пантеона) и, возможно, завершал семью языческих богов, как мифический Семиглав, семиглавый древний летучий Змей. И вот такое совпадение — сам пантеон просуществовал всего семь лет и показал свое бессилие в деле укрепления государственности на Руси. Стало очевидно, что в среде «нарочитой чади» идолслужением подтачивалось и разрушалось само основание любого общественного строя — семья. И это становилось очевидным, несмотря на успехи русского оружия.

На следующий год после своего вокняжения, в 981 году, Владимир разбивает войско польского герцога Мечислава, который принял католичество от римского папы, и присоединяет к Руси червенские города (Червень, Перемышель и другие города в Закарпатье), под контроль Киева попадают Полоцкие и Туровские земли; в 982 подавляет мятеж вятичей, отказавшихся платить ему дань; в 983 году успешно воюет с ятвягами (древнее литовское племя), овладевая речными путями по Неману, Висле и Бугу; в 984 году успешно воюет с радимичами; а когда болгары стали грабить на Волге купцов Руси, то в 985 году совершает поход в Волжскую Булгарию, страну, не так дав-

по принявшему мусульманское вероисповедание, завершившийся подписанием договора о мире; в 986 году воюет с Хазарским каганатом, правящая верхушка которого исповедовала иудаизм, и захватывает Тмутаракань, торговый город. Русь расширилась от Финского залива и Ладожского озера на севере до Черного моря на юге, а Владимир приобрел не только военный, но и политический опыт, укрепившись в сильном желании обустроить Русь. Он видел и понимал, что язычество уходит в прошлое, что его держава остается реликтовым изгоем, так сказать, цивилизованного мира. Он знакомится с христианством, исламом, иудаизмом, как монотеистическими государственными религиями, и решает покончить с многобожием во имя единобожия. Из всех монотеистических религий он выбирает христианство, поскольку на Руси уже не одно столетие жили греки-христиане, христианкой была его бабка Ольга. Терпимым к христианам был князь Ярополк Святославич, и многие дружинники свободно молились в христианском храме святого Ильи на Подоле. Исповедовали Христа и многие киевляне, а, значит, были и богослужебные книги и рукописи, привезенные последователями славянских первоучителей, святых и равноапостольных Кирилла и Мефодия. Первоначально именно из Моравии и Болгарии проникало на Русь христианское наследие, сея зерна православия, а не из Византии.

Надо сказать, что создание славянского письменного языка было осуществлено в середине IX века, еще на заре создания государства Русь, Константином-Кириллом Философом и его братом Мефодием. Затем святыми братьями и их последователями и учениками были заложены основания традиции славянской школы книжного обучения. Святые Константин и Мефодий были родом из греческого города Салуни, где проживало смешанное греко-славянское население, и, возможно, в их образованной семье говорили на двух языках, по крайней мере, они хорошо знали южный славянский язык. Святой Кирилл получил высшее образование в Магнаврской школе Константинополя, где освоил «эллинские» науки и познакомился с арабской культурой. В качестве посла Византии он совершил дипломатическую поездку в Херсонес (Крым) и обнаружил там Евангелие и Псалтырь, «русскими письменами писанные». Некоторые исследователи считают, что эти книги, возможно, были написаны языком руссов, восточных славян, долгое время контактировавших с греками, например, в Суроже и Тьмутаракани. Предполагается, что именно это письмо легло в основу азбуки и было усовершенствовано Константином. Новое письмо было названо «словенским». Этот общий славянский язык в русской традиции называется старославянским, а в болгарской — староболгарским. В древнерусских летописях отмечалось, что тогда «бе един язык словенск». Первая школа (училище), где преподавание велось на славянском языке, была открыта в столице Моравского княжества Велиграде в 863 году. После вторжения латинской книжности и богослужения в Моравию ученики святых братьев Кирилла и Мефодия разошлись по всему славянскому миру. Радужный прием они приняли в Болгарии, ставшей христианской страной в 865 году, и, возможно, в христианской общине Киева. В любом случае, недостатка богослужебных книг, написанных кириллицей, на Руси не было.

С христианской общиной Киева князь Владимир был знаком, с батюшкой мог вступать в дискуссии. На него оказал впечатление случай, описанный в «Повести временных лет», когда Феодор, воин-христианин, отказался отдать в жертву языческому богам своего сына Иоанна. Летописец подробно останавливается на этом знаменательном случае, думается, не единственном в тогдашнем Киеве. Жребий, что считалось неоспоримой волей богов, пал на Иоанна. Язычники-киевляне подступили к дому Феодора, но встретили неожиданный отпор. Феодор, один из лучших воинов в княжеской дружине, вступил в сражение не только за сына, но и за веру во Христа, заявив осаждающим: «Один Бог, сотворивший небо и землю. Не дам сына своего бесам. Если идолы ваши действительно боги, пусть сами придут и возьмут его». Язычники не могли победить Феодора и, подрубив опоры дома, погубили всю его семью. Влиятельная

христианская община пыталась поддержать своего брата у Христе, но обычай и государственная власть оказались сильнее, и христианская кровь пролилась. Как видно, не напрасно. Сам великий князь, по слову летописца, стал тайно склоняться к монотеистической религии, и именно к православию. Но это событие летопись относит к походу Владимира на ятвягов, то есть ко времени, близкому к созданию языческого пантеона, когда главные боги Руси и ее дружины только что сошлись воедино. Тут можно предположить, что он, как верный сын своего отца, Святослава Игоревича, объявил многобожью: «Иду на вы!», понимая, что легче разгромить врагов, собрав их вместе, чем бороться с ними поодиночке. Все семь лет разгара язычества, надо полагать, он помнил об этом факте, иначе после принятия от Византии христианства как государственной религии он бы не воздвиг на месте дома Феодора первую каменную церковь Успения Пресвятой Богородицы (12 мая 996 года). Но пока еще он ярый язычник, и непонятно — для чего в «Повести временных лет» городились о нем небывлицы? Для контраста? Вот, мол, смотрите, читатели, как плоха была языческая тьма, что даже сам великий князь побежден был похотью, имел много жен и неимоверное количество наложниц в каждом русском городе, как он был «ненасытен в блуде». И как после принятия христианства преобразился, не иначе как Божественным провидением, став в одночасье примером для своих подданных и примерным семьянином. Такое, в принципе, возможно, но маловероятно, все в человеке, если это не чудо, вызревает постепенно. Семья — основа государства. Думается, что именно осознание этого, пусть и не в такой формулировке, оказало решающее воздействие на принятие им «судьбоносного» решения: крепка христианская семья, крепка и держава.

Итак, великий князь Владимир потребовал у императоров Византии, страны ортодоксального христианства (за ранее оказанную им военную помощь), руки их сестры, царевны (принцессы) Анны. Отметим, что о любви, тем более взаимной, речь в данном случае не идет. Он даже и не видел своей будущей жены, это чисто политический брак, укрепляющий династию Рюриковичей и страну. Но он знал, что венчанье осуществляется не только на земле, но и на небе, что брак освящен Христом. К этому времени, а Владимиру около тридцати лет, у него по языческому праву сильно уже было несколько жен-наложниц и законных, по русскому обычаю, наследников-сыновей от них. Но все они были невенчанными, а значит, с точки зрения христиан, не состояли с князем в браке. Византийцы по своему обыкновению не спешили с ответом, выставив условие: крещение самого Владимира. С целью поторопить императоров он предпринимает поход на христианскую Византийскую империю и осаждает Херсонес (Корсунь). Херсонес был взят, Анна приехала в Крым и стала женой Владимира, а город великий князь возвратил Византии как выкуп за невесту. Верный своему слову, князь принимает крещение, его примеру следует ближайшая дружина, и он всенародно венчается с Анной. Рождается новая христианская семья и новый, преображенный Владимир. Скорее всего, крещение принимают и его многочисленные сыновья. Как неопит, он с особым рвением и даже жестокостью разрушает языческое капище — Идол Перуна. По свидетельству летописца, его волокли по улицам города, били палками и сбросили в Днепр. В один из летних дней 988 года по повелению великого князя Владимира было осуществлено крещение всех киевлян по принципу: один князь — один Бог, а кто не явится, «будут не любы мне». Власть и народ должны исповедовать одну веру. Русь соединилась со всем христианским миром.

С годами новая вера стала называться православной. Для русского уха и ума — правое дело, правое слово правого Бога и одесную, то есть по правую, руку с Ним. Это не просто калька с византийского церковного термина — ортодоксия. Так с IV века и доныне обозначают ветвь христианства (в отличие от католической и протестантской), которая восходит к неизменным текстам Священного писания, к словам апостолов, и придерживается буквы учения Вселенских Соборов и отцов Церкви. В отличие от ересей, оно в неискаженном виде исходит от самого Христа, а значит самой

Истины. Греческое словосочетание «ортодоксия» («ортос» означает — прямой, правильный; «докео» — думаю, считаю) на Руси не привилось в силу чужеродности, непонятности, излишней категоричности. Но не только в этом дело. Например, Евангелие, означающее с греческого «благая весть», не потребовало перевода на русский язык. Что-то настораживало поэтический слух верующего русского человека в слове «ортодоксия», стремившегося с древнейших времен и всегда правое славить, а от левого, ошуйного, кривого, бесовского оберегаться, хотя бы плюнув через левое плечо. Православная вера означает: не важно, сильный ты или слабый, главное — быть правым и править с любовью свое житие к славе Господа, а значит, важно правильное славление (православие) единого Бога.

В книге «Пути русского богословия» Георгий Флоровский говорит, что после Крещения Руси «языческое время осталось за порогом истории», но, словно опомнившись, продолжает: «Это совсем не значит, будто не было языческого прошлого. Оно было, и побледневшие, а иногда и очень яркие следы его и воспоминания надолго сохраняются в памяти народной и в быту, и в самом народном складе». Действительно, забвения прошлого и разрыва национальной традиции не было. Думаю, что в крестьянских семьях люди не сразу и заметили, что на дворе новая вера. Главное — справедливая, добрая к человеку державная власть. Православная! Такая вера не входила в противоречие с обыденными представлениями в головах простых людей об истинном и ложном, житейские ценности оставались прежними. Скорее всего, с исчезновением (уничтожением?) волхвов, служителей языческого культа ни о каком двоеверии русского человека речь не может идти. А это произошло в одно поколение, если учесть прекрасно отлаженный государственный аппарат насилия, и язычество оставалось только на окраинах, куда не могла дотянуться рука власти.

Размышления Флоровского повлияли на современное историческое мышление, что на Руси «продолжалась своя уже потаенная жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная. И в сущности слагались две культуры: дневная и ночная». Это, мне кажется, не совсем верно, хотя и хорошо сказано. Мы привыкли к тому, что в природном мире за ночью наступает день, так что же — нас снова ожидает ночь язычества? В конце-то концов, день и ночь, как говорили диалектики античности, одно — земные сутки, хотя разницу мы прекрасно чувствуем. Никакого раздвоения русской культуры, русского народного духа не было, и не таились русские люди ни ночью, ни днем. Они открыто проводили традиционные свадебные обряды, организовывали ярилыны игрища, купальские празднества и тому подобное, что столетиями справедливо возмущало деятелей Церкви. Но никакого отношения к язычеству как религии они не имели — скорее, к этической стороне конкретных обрядов, к устройству бытовой жизни, к чередованию трудов и праздничных дней.

Крещение Руси произошло в нужное и верное время народной жизни. Языческие боги и божества, словно перепуганные, бросились врассыпную, прячась в именах христианских святых. Это были, прежде всего, так называемые, «белые боги». В Богородице видели Мать сыру Землю, в Создателе — Дажьбога, в ангеле-хранителе — бергиню, в святом Георгии — Сварога, в святом Василии — Власия (Велеса), коровьего бога, в святых Флоре и Лавре — царь-колоска, двуединого Спорыша, в пророке Илье — громовержца Перуна, в Параскеве Пятнице — Мокошь, в святом Николае — предка своего родного рода. Малая языческая нечисть углубилась в дебри бесовской темноты, пополнив ее мифическими существами: чертями, русалками, домовыми, лешими и так далее. Они сохраняли некую двойственность, совершая порой и благие поступки, хотя и непреднамеренно. Эта «нечисть» могла, как в глубочайшей древности, охранять семейные очаги, младенцев, бани, овины, огороды, общественные уголья, колодцы, то есть все, что касалось быта и работ простых людей в крестьянских семьях. Ими пугали детей, воздействуя на их поведение. В доме за печкой ставили блюдечки с молоком для домового, в бане задабривали угощением банника и так далее. Рус-

ский православный человек, искренне верующий в Христа, не терял поэтической многокрасочности язычества, его обрядовой праздничности видимого и невидимого мира. Вся Святая Русь во многом и есть преображенная православием Мать сыра Земля русского язычества. Богатство устного древнерусского языка позволило создать близкий к нему язык Русской церкви (церковнославянский) и перевести богослужебную литературу. Все основные ключевые слова были ранее уже известны: бог, правое, вера, святой, славить и так далее. Поэтому не было особой трудности в переводе на русский язык священных текстов, ветхозаветных псалмов и христианских молитв. И русские люди с легким сердцем приняли новую веру, в которой истина и справедливость, красота и доброта выхолили на свет Божий, и назвали себя — православным народом.

Прежде всего, великому князю Владимиру надо было разобраться со своей семьей. По новой вере у него до венчания с принцессой Анной ее и не было. Он резко отказывается от многоженства. Во всем следует не волхвам, а священникам христианской церкви, духовнику, белому и черному (монахи) духовенству, Священному Писанию, а не устным установлениям, преданиям. Стать надо было примерным христианином. Ведь великий князь — наместник Бога на земле, и какова власть, такovy и подданные. Затем надо было упорядочить семейную жизнь своего ближайшего окружения, бояр и дружины. Не по этническому признаку, а по вере отличали теперь своих от чужих. Православная вера все сильнее объединяла державу, вытесняя прежние привычки. В «Уставе князя Владимира» получили отражение нравы тогдашней власти и, отчасти, городского населения, так как в деревнях жили по доброй традиции прежних времен. Государственному суду подлежали «распуты (дела о разводе. — В.П.), смилное (незаконная связь мужчины с женщиной. — В.П.), заставанье (поймка мужем жены при нарушении супружеской верности. — В.П.), умыканье (похищение девушки или женщины. — В.П.), пошибанье (изнасилование. — В.П.), промежи мужем и женою о животех (имущественный спор. — В.П.)... упреканье (оскорбление словом. — В.П.)... зубояденье (кусание в соре, драке. — В.П.), иже отца и мать быют, или сын или дчи быются, или братья быются, и иже тяжуться о заднице (наследство. — В.П.)».

Мы видим, что в семьях того времени возникала масса проблем, довольно схожих с современными. Отношения между родителями и детьми также были сложными и неоднозначными. Владимир, опираясь на церковь, вмешивался в семейные дела, на личном примере показывая достоинства христианской семьи. Это было дело государственное, так как от крепости семьи зависела крепость всей державы, ее единство и процветание. Вполне понятно, что князь и его тиуны могли реально воздействовать лишь на семьи ближайшего окружения. И родители на Руси в законодательном порядке наделяются определенными обязанностями, по сути, на них перекладывается общественная функция рода и общины по подготовке детей к трудовой жизни и их нравственное («вежество») воспитание. Уже «Устав князя Ярослава» (сына Владимира от Анны) предусматривает родительскую ответственность за достойное материальное обеспечение детей и устройство их в жизни. Официально на Руси признавался не только церковный брак, венчанный, но и языческий, который заключался во время «игрищ» между селами, сговором родителей, свадебным обрядом, осуществляемым по местным обычаям. Православная церковь с самых первых десятилетий своего существования на Руси пытается контролировать семейные отношения, подчиняя их церковному суду. Разворачивается целая кампания по заключению церковных, освященных Богом браков. Однако в простонародной среде, особенно в сельской местности, она не могла существенно влиять на семейную жизнь. Русское государство было традиционно сильнее церкви. Господь Иисус Христос на Страшном суде будет судить всех людей, которые когда-либо жили на земле, а княжеская власть судит здесь и сейчас.

После смерти великого князя Владимира (1015 год) между его детьми вновь, как во времена язычества, разгорелась борьба за престол, и длилась она без малого 10 лет. Победу одержал воспитанный в православии Ярослав, прозванный позднее «Мудрым», был он, по словам летописцев, «самовластцем» и правил, как и его отец, тридцать пять лет. Европейские короли считали за честь породниться с великим киевским князем. Они отдавали своих дочерей замуж за его сыновей, а дочери князя становились женами иностранных правителей — норвежского, датского, венгерского и французского королей. Они получали не только домашнее христианское воспитание, но и основательное книжное образование в дворцовой школе высшего типа (по византийскому образцу), открытой еще Владимиром для княжеских и боярских детей, в училищах «мастеров грамоты» и школах «ученья книжного», широко распространившихся по городам Руси при Ярославе.

В книжных людях недостатка не было. Из Болгарского царства, завоеванного Византийской империей в 1018 году, где славянская книжность преследовалась и насильственно насаждался в обучении греческий язык, многие деятели славянской культуры перебираются в русские города, пополняют церковные причты и монастырские скриптории. Это дало импульс для быстрого подъема русской книжной образованности, для развития школы, насчитывающей всего лишь каких-то тридцать лет своей истории. Однако отношение в семьях «нарочитой чади» к школьному образованию было двойственное, если не сказать отрицательное. Летопись отмечает этот факт: «Нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на учение книжное», матери же детей этих «плакахся по них.. аки по мертвеци». Глагол «поимати» может указывать на отсутствие особого желания отдавать своих детей в книжную науку; словосочетание «даяти нача на ученье книжное» означает, что элементарной грамотой они уже владели; а слезы матерей, скорее всего, говорят о том, что дети физически отрываются от семьи, от дома, от родовых традиций. Приблизительно в это же время появляются на Руси первые монастыри, свидетельствующие об окончательном разрыве монахов с языческим миром во всех его светских проявлениях. Именно белое и черное духовенство вступило на тропу непримиримой борьбы с прежним верованием. Антоний Печерский поселился в одной из Варяжских пещер вблизи Киева, и к нему начали стекаться ученики. Так возникла Киево-Печерская Лавра, ныне вновь подвергшаяся искаженной гримасой национализма темной стороне язычества.

В «Слове о Законе и Благодати» современник великого князя Ярослава Владимировича и Антония Печерского, митрополит Иларион (с 1051 года), русский по рождению, воздал хвалу князю Владимиру во весь свой просвещенный голос, во всем блеске христианской образованности: «Прославляем хвалимого от ангел... Поите Богу песнь нову, и славимо есть имя от конец земли... По вся земли уже славится Святая Троица...» Иларион знает отличие в традиционной русской культуре правого от левого, божественного от бесовского («не разумеюшь десницы и шюицы») и православит именно правое, одесную от Бога. Отрицая язычество, он приводит евангельскую притчу: «Не вльивают бо, по словеси Господню, вина новааго учения благодетна в меха ветхы... Не могшее бо закона стена удержати, но многажды идоломъ покланявшися, како истинныя благодети удержати учение. Но ново учение, новы меха, новы языки». И далее: «Уже не жертвенныя крове вкушающее, погыбаем, нъ Христовы пречистыя крове вкушающе, съспасаемся». Первобытный Закон крови, кровная месть родового общества, кровное родство языческих времен преобразились в причащение хлебом и вином как телом и кровью Господней. Обращает на себя внимание, что Иларион не проклиняет языческую старину нашей истории, не считает ее ночью, чем-то отдельным от дня православия, а принимает ее всю, какая она есть: «Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыими похвалами велика и дивна сътворъшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана наша

земли Володимира, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своя лета владычествующее, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многихъ, и победами и крепостию поминаются нынъ и словуть. Не въ худе бо и неведомъ земли владычствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьмя конци земли».

Прошлое народа и его страны не исчезает совершенно бесследно. Как говорится в детективных романах, всегда остаются следы. Порой из них вырастают исторические свершения, а то и преступления. Стоит человеку немного ослабеть, развежиться, прекратить напряженный физический и духовный труд — и вот призрак прошлого обретает плоть, встает в полный рост. Что же делать! Как говорится в русской пословице, «сила солому ломит». Так было на заре нашей государственности, так, видимо, будет и впредь. Язычество сильно силою, образным словом, а православие — любовью к ближнему, как к Христу, молитвой и смирением. Хочется верить, что даже слабая любовь, даже капля христианской любви преобразит наше общество, каждого человека, и мы выйдем из этого поединка победителями над сгущающейся бесовщиной.

